

нию. Этим он оправдывал жертвы и тяготы, понесенные немцами на территориях, оказавшихся в советской сфере влияния. Затем Гитлер выстроил длинную цепь фактов и рассуждений, призванную убедить аудиторию в безмерной уступчивости Германии во имя сохранения мира на Востоке и в постоянно растущих имперских военно-политических амбициях СССР. Он утверждал, что дело дошло, наконец, до прямой военной угрозы рейху и его союзникам со стороны 160 советских дивизий. По словам Гитлера, август 1940 г. стал временным рубежом, с которого он решил положить предел советскому натиску. Отсюда логично вытекает формулировка цели войны – “спасение всех и вся”, защита от большевизма не только отдельных государств, но и всей Европы.

Сталин, со своей стороны, оправдывал заключение пакта абстрактно-обтекаемой фразой о том, “что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой”. Для него результат договора – это хрестоматийные полтора года мирной жизни. Он, правда, признавал, что и Германия получила преимущество в виде территории и времени для развертывания войск, но в то же время указывал на политический проигрыш страны, разоблачившей себя как кровавого агрессора. Справедливыми оказались его оценка характера войны со стороны СССР как войны всего советского народа и ссылка на неизбежное объединение нашей борьбы с борьбой народов Европы и Америки. Дружественное упоминание имени Черчилля в речи Сталина вообще можно считать первым на столь высоком уровне пропагандистским шагом в направлении антигитлеровской коалиции.

В целом, обе речи существенно грешили против реальных политических обстоятельств кануна войны. Но, в конечном счете, проверку войной и временем выдержала только одна: навечно связанная с героизмом народа, она осталась памятником исторической правды, в то время как другая – лишь историческим свидетельством самонадеянного пути к катастрофе.

Ю.С.Кирияков
Екатеринбург

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: МИФ О “РАЗДЕЛЕ ЕВРОПЫ”

Значительный период Великой Отечественной войны, начавшийся стратегическим наступлением Красной Армии в январе 1945 г. и завершившийся победоносной Берлинской опе-

рацией, отмечен и важнейшим международным событием – Крымской (Ялтинской) конференцией “большой тройки” (4–11 февраля 1945 г.). Ялтинская конференция традиционно оценивалась советской историографией как кульминация единства стран антигитлеровской коалиции в войне с фашизмом, событие, проложившее дорогу “демократическим” преобразованиям в Восточной Европе. В зарубежной же историографии Ялта стала синонимом раскола Европы, фантомом пресловутого “железного занавеса” и первым источником послевоенной конфронтации.

Феномен Ялты сохраняет свое влияние до сих пор: Ялту сравнивают с Мюнхенским сговором 1938 г., она стала синонимом имперской “политики с позиции силы”. В период “бархатных революций” и распада советского блока в Восточной Европе “призрак Ялты” как синоним сепаратного сговора о перераспределении сфер влияния в посткоммунистическом геополитическом пространстве являлся важным фактором нагнетания антисоветских, а затем и антироссийских настроений.

Осмысление Ялтинского соглашения применительно к Восточной Европе – Декларации об освобожденной Европе, договоренности по польскому и югославскому вопросам – возможно в контексте анализа дипломатического противоборства между Лондоном и Москвой после конференции в Тегеране, точнее с весны 1944 г. Тогда У.Черчилль настойчиво, но безуспешно попытался связать Сталина широкомасштабным соглашением союзников о принципах политики в отношении балканских стран. Наступательные операции Красной Армии летом–осенью 1944 г. привели к полному или частичному освобождению стран Восточной Европы от нацистской оккупации, кардинальным изменениям во внешнеполитической ориентации и в расстановке сил в странах-сателлитах Германии. Практически это реализовалось в острейшем противоборстве в вопросах формирования коалиционных правительств в Югославии и Польше, создания союзного контрольного механизма и эволюции политических режимов в Болгарии, Румынии и Венгрии.

На пути к новой встрече “большой тройки” принципиальное значение приобрели советско-английские переговоры в Москве в начале октября 1944 г. Поставленный в критическое положение сталинской политикой “свершившихся фактов”, 9 октября У.Черчилль предложил Сталину “грязную и грубую” схему процентного “распределения влияния” СССР и стран Запада в Греции, Югославии, Румынии, Болгарии и Венгрии. В этом эпизоде английский премьер столкнулся с партнером не только преуспевшим в практике раздела мира на “сферы влияния”, но и обладающим поистине “неджентльменским” коварством: Сталин молча поставил на “процентовке” жирную птичку ручкой с

синими чернилами и настоял на том, чтобы Черчилль не сжег документ (как излишне “циничный”), а оставил его себе.

У Черчилль, как явствует из его мемуаров (Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1–3. М., 1991), так и не осознал всю пагубность подобного стиля взаимоотношений с диктатором и обращался к этой “джентльменской” договоренности неоднократно, вплоть до событий в Югославии в апреле–мае 1945 г. Сталин же, в свою очередь, воспользовался дипломатическим промахом английского премьер-министра на все 100%: ему удалось не только использовать силовые средства утверждения английского контроля над Грецией для оправдания установления безраздельного контроля над союзными контрольными комиссиями и реальными политическими процессами в Румынии, Болгарии, Венгрии, но и с успехом продолжить политику “свершившихся фактов” в югославском и польском вопросах.

Соответственно на Ялтинской конференции сталинской дипломатии удалось не только нейтрализовать активную вовлеченность американского президента Рузвельта в проблемы урегулирования в Восточной Европе (в том числе по польскому и югославскому вопросам), но и блокировать попытки Черчилля ограничить безраздельный контроль СССР и поддерживаемых им просоветских сил в восточно-европейских странах. Это ярко проявилось в ходе подготовки и принятия конференцией основного документа – Декларации об освобожденной Европе: подготовленная госдепартаментом США и поддержанная У. Черчиллем Декларация в своем первоначальном виде предполагала создание Чрезвычайной Верховной Комиссии для освобожденной Европы, т.е. конкретного и действенного механизма реализации принципов послевоенного урегулирования. Принятая же в выхолощенном (усилиями Молотова и самого Сталина) виде, Декларация без этого механизма превратилась в чисто “случайный документ”, очередное “джентльменское соглашение”. Как и в случае с бумажной “процентовкой” Черчилля, принципы Декларации были нарушены уже в феврале 1945 г. событиями в Румынии, а затем и форсированной “советизацией” других стран Восточной Европы.

Тем самым Ялта не стала кардинальным событием в судьбе стран Восточной Европы и, как часто утверждается, в послевоенной конфронтации между Востоком и Западом. Не была она и дипломатическим компромиссом, а лишь промежуточным этапом в процессе неотвратимой сталинизации восточноевропейского пространства.

Феномен Ялты наглядно демонстрирует пагубность использования в дипломатической практике демократических стран во взаимоотношениях с авторитарно-тоталитарными режимами средств запретной, конфиденциальной дипломатии, а также

опасность пережитков имперского мышления и декларативного единства, лишенного устойчивого и действенного механизма его реализации.

В.И.Михайленко
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ФАШИСТСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Проблема сопоставления двух тоталитарных режимов, столкнувшихся в самой кровавой войне XX столетия, не нова.

В том и другом случаях мы имеем дело с одним и тем же феноменом – наличием консенсуса (согласия) между большинством народа и деспотическими режимами. Причины надо искать прежде всего в самом массовизме тоталитарных режимов. Согласимся с выводом философа М.Мамардашвили: “На самом деле Сталин – это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение... Миллионы “сталиных” – это социальная реальность, в которой живет масса властителей”.

На чисто теоретическом уровне можно предположить различие идеалов, ценностей и мотивов, лежащих в основе организации многообразных типов тоталитарных обществ. При этом, если мы не сводим понятие “демократия” только к либеральным ценностям, можно говорить о широкой вариации демократических обществ, включая тоталитарный тип демократии. Введение критериев “левый” или “правый” вряд ли поможет дифференциации режимов на “демократические” и “недемократические” в силу размытости и неустойчивости самих критериев.

Велико искушение вообще уйти от серьезного разговора о природе фашистской идеологии, вынеся фашизм за скобки европейской культуры и цивилизации. Не раз мне доводилось слышать утверждения коллег-оппонентов о том, что “фашизм и европейская цивилизация – вещи несовместимые”. Я вижу в этом попытку отгородиться тезисом о “непорочном зачатии фашизма” от серьезного разговора о фашистском феномене.

Нравится нам это или не нравится, но реальностью современной политической жизни в Европе стало исчезновение противостояния между фашизмом и антифашизмом, столь характерного практически для всего послевоенного периода. Идеологическая и политическая “ось антифашизм-фашизм” подменяла собой и другие дихотомии: прогрессивный-реакционный, левый-правый, умеренный-экстремистский. Падение “берлинской